

Клавдия Владимировна Лукашевич

В тесноте, да не в обиде

Клавдия Владимировна Лукашевич

В тесноте, да не в обиде

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=637775

Босоногая команда: Зерна; Рязань; 2005

Аннотация

«Они переехали ко мне незадолго до Рождества и наняли самую маленькую комнатку. Подивилась я, как они поместятся в такой клетушке вдвоем. Однако ничего: устроились хорошо и зажили тихо, согласно, весело...»

Клавдия Владимировна Лукашевич

В тесноте, да не в обиде *Рассказ старушки*

* * *

Они переехали ко мне незадолго до Рождества и наняли самую маленькую комнатку. Подивилась я, как они поместятся в такой клетушке вдвоем. Однако ничего: устроились хорошо и зажили тихо, согласно, весело.

Сначала я думала, что они – брат и сестра, оказалось, муж и жена. Совсем молоденькие, веселые, ласковые; сама – такая большеглазая, красивенькая, точно картинка. Мы их прозвали голубками. И все жильцы их полюбили.

Приехали они из провинции; барину надо было учиться, сдавать экзамены, куда уж – право, не припомню. Как это родители отпустили таких детей, – не понимаю. Верно, бедность принудила.

Бедность да нужда, видно, молодых не пугают. Мои голубки целые дни воркуют, смеются, шутят. Им и горя мало, что по одному платишку на плечах, что башмаки в дырках, что

иной раз и едят не досыта.

Рано утром Николай Николаевич, так звали моего нового жильца, уходил учиться, в библиотеку, – сказывала его бабыня. А она то книжки читает, то лепечет, поет, как пташка, около меня увивается... Иной раз надоест, а то опять пожалеешь: молода, глупа, как тут не помочь.

– Хозяюшка, голубушка, – она меня всегда так звала, – позвольте мне постряпать, когда плиту разведете, – просит моя молодуха. – Мой Николаша придет голодный, как волк.

– Господь с вами, Любовь Ивановна, стряпайте. Разве мне плиты жаль...

– А вы меня поучите!

– Поучу. Не то вы, как намедни, всю провизию перепортите.

– Я хочу для мужа малороссийский борщ сварить. Он у меня хохол: любит борщ ужасно...

– Делай, моя красавица, что хочешь...

Не успеешь обернуться, а ее и след простыл. Вернется через четверть часа, покатывается, хохочет и меня насмешит до слез. Искала малороссийского сала да каких-то баклажанов, зашла в сливочную, в булочную и даже в суровскую. Ну, конечно, ее приказчики на смех подняли. И вернулась ни с чем.

Иной раз такое кушанье состряпает, что, кажется, ни за что и в рот не взяты.. То пересолит, то переварит, то пережарит... А муженек придет, – ест да похваливает.

– У меня Любаша – золото, – говорит. – Отличная хозяйка! Ишь, как вкусно стряпает...

«Как не вкусно?! Молоды, здоровы, счастливы – тут, конечно, все хорошо», – подумаю я про себя.

Перед праздником мои молодые получили деньжонок, должно быть, из дома, с родины. Притихли что-то.

В самый сочельник Любовь Ивановна и говорит мне:

– Хозяюшка, голубушка, я хочу елочку сделать.

Я удивилась.

– Елку? Для кого же? Для муженька, что ли?

– Да, для мужа... И у них в семье, и у нас всегда бывали елки... Так скучно вдаль от своих и от родины. Хоть потешить себя...

Мне стало смешно.

– Вот дитяtko малое! Делайте, родная, коли охота... Мне не помешаете.

Принесла она такое огромное дерево, что и в комнату не лезет. Стала его подрезать да подпиливать, внесли в их клетушку, и пошевелинуться негде. А они радуются, хохочут.

– Как хорошо! Какая прелесть! Смолой пахнет, точно в лесу... У нас, хозяйюшка, на родине леса большие, густые. Какой там воздух чудесный!

Нарезали они разных фигурок из цветной бумаги, орехов назолотили, купили дешевеньких конфет, да пряников, да яблочков и разубрали елку. Небогата елочка, а комнатка выглядит такой нарядной, веселой.

– Когда же вы елку зажигать станете? – спрашиваю я.

Признаться, хоть старый человек, а люблю, когда горит елка.

– Подождите, хозяйюшка... В первый день мы зададим пир на весь мир. Приходите.

– Приду посмотреть... Занятно... Спасибо за приглашение.

В первый день Рождества был ужасный ветер и мороз. Целый день бушевала такая непогода, что и на улицу-то жутко было показаться. Вечером, когда стемнело, смотрю, моя молодуха выходит в шубке закутанная и шепотом говорит мне:

– Хозяйюшка, голубушка, я пойду искать несчастненьких.

– Каких таких несчастненьких? Что вы еще придумали, Любовь Ивановна?

– Таких, которым сегодня хуже, чем нам... Как-то невесело одним забавляться.

– Эх, милушка, несчастных-то непочатый край... Всех их не пригрешь...

– Ну, все равно... Хоть кого-нибудь.

– Полно тебе чудить, Любовь Ивановна. Сиди-ка дома. Этакая вьюга, мороз, перемерзнешь вся... Одежда-то у тебя не очень теплая. И чего твой муженек смотрит, пускает тебя...

Засмеялась, не послушалась и ушла Я подумала: «Верно, к какой-нибудь бедной товарке». Скоро ушел и муженек ее.

Были у меня в ту пору еще две жилички, – такие славные,

тихие барышни, служили на какой-то дороге. Вот они мне и говорят, что молодые их вечером на елку звали. Ничего я не могла понять: гостей позвали, а сами ушли. Даже досадно стало!

Однако Николай Николаевич скоро вернулся, смотрю, что-то под полой принес; смеется, вынимает и показывает: балалайка.

– У товарища достал. Приходите, хозяйюшка, танцевать.

– Только мне и танцевать... Шутник ты, батюшка! Лучше скажи мне, где твоя барыня? Чего ты ее пускаешь в такую стужу? Ты ее остерегать, беречь должен...

Покатился мой барин, хохочет как угорелый... Молод, конечно, глуп еще...

В это время в прихожей раздался тихий звонок.

– Вот и Любаша, должно быть, – заметил мой жилец. Открыла я дверь, да так и обмерла... Смотрю, моя молодуха, совсем синяя, окоченелая, тащит четверых ребят. Трое, постарше, за ее платье держатся, а маленький – на руках. Ребята слюнявые, грязные, оборванные, носы и руки красные, дрожат, друг к другу.

– Господи!! Любовь Ивановна, что это вы делаете?! Откуда вы нищих набрали?!

– Это и есть несчастненькие, хозяйюшка... Этого я на улице нашла, а этих в темном холодном подвале...

Тут уж я не вытерпела, рассердилась, себя не вспомнила...

– Как вам не совестно, Любовь Ивановна, так поступать?!

Это даже очень неблагородно! У меня ведь не харчевня, не постоянный двор... У меня жильцы хорошие, подолгу живут... Кому же приятно это переносить?! Я человек бедный, только и живу жильцами... Смотрите, сколько вы грязи, снегу нанесли. А я вчера еще поденщицу брала, полы мыла... Теперь кто за ними убирать станет, я – человек старый... Да и лишних денег нет...

– Хозяюшка, голубушка, милая, неужели у вас хватит духу прогнать их?! Смотрите, какие они озябшие, несчастные... Я их к себе на елку прицела... Не гоните, уступите мне вашу кухню, – просит-молит моя барыня...

А я рассердилась и стою на своем.

– Ни за что! Как хотите, чтоб их у меня на квартире не было! Заведут рев, гам, напачкают, наследят... Людей совестно!..

– Хозяюшка, голубушка, эти ребята и елки-то ни разу в жизни не видали... Так жаль их...

– Обойдите, Любовь Ивановна, весь Петербург... Спросите кого хотите, вам нигде этого не позволят...

– Хозяюшка, добрая, такой праздник – праздник детей... Не гоните их... Позвольте оставить, повеселить, обогреть...

– Что вы заладили – хозяйюшка да хозяйюшка?... Двадцать лет я хозяйюшка... Вот что! А только вольничать вам нигде не позволят... В своей провинции делайте, что хотите, а Петербург не такой город! Здесь жизнь аккуратная...

Стоим мы с ней в прихожей, спорим, препираемся... Я

свое, она свое. Ребята у нас с перепугу и заревели. Такое меня зло взяло на нее, что и не выскажешь.

Вокруг нас собираться стали. Прибежал Николай Николаевич, пришли две жилички-те, что на железной дороге служат, пришел еще жилец-музыкант – на такой дуде учился играть. И что бы вы думали? Узнали, в чем дело, все стали просить, молить меня этих самых ребят оставить.

Молодуха-то у меня на шее повисла, целует, шепчет: «Знаю, вы, хозяйюшка, – ангел, добрая, хорошая, не прогоните... Я вам завтра и полы вымою и все за ними чисто приберу».

Сердце не камень. Махнула рукой: «Делайте, мол, что знаете». Отдала им свою кухню: в их клетушку все равно не поместиться. Если сказать правду, то ведь и мне было жаль этих оборванцев. Если я и сердилась, то, конечно, из-за жильцов: боялась их обеспокоить.

Ну, и пошла у нас суматоха. Потащили они этих ребят в мою кухню, стали мыть, чесать, одевать. Грязи-то на них что было – высказать невозможно. Стали мои барыни со всего дома одежду набирать, кто рубашку, кто юбку, кто чулки тащит. Даже и я в свой сундук полезла, достала кофточку старую да платок, хороший, крепкий, и им отдала... Да что про меня говорить! Был у нас жилец военный, кажется, в полковничьем чине – такой суровый, строгий, неразговорчивый, и тот старые сапоги прислал. Позвал меня в комнату и говорит: «Отдайте молодой барыне, может, детям пригодятся».

Как не пригодиться: сапоги были совсем хорошие, крепкие, только великоваты...

Сам полковник тоже несколько раз на кухню заглядывал, и ему любопытно было.

Одели мы детей во что пришлось: мальчиков – в дамские кофты и ленточками опоясали, девочке наскоро из передников платице сделали да платок повязали. Смешные стали ребята, точно ряженые. Сначала хныкали, а потом посмотрели друг на друга и рассмеялись. Три мальчика и девочка... Мальчикам лет по 8, по 10, а девочка совсем маленькая, лет трех – Катюшей звали. Как мы их вымыли, причесали да приодели – такие славные, хорошенькие стали.

Моя любовь Ивановна так и вьется около ребят, целует, обнимает, гладит. Посмотрела я на нее – раскраснелась, точно вишенка, а глаза черные – горят, как угольки. Такая-то красоточка! Подумала я про себя: «Хорошая из нее мать будет, коли ей Господь деточек пошлет».

Зажгли елку. Как увидели ее ребятишки, то и себя не вспомнили от радости. И про слезы, про страх забыли... Хохочут, кричат, визжат, в ладоши бьют. В комнате такая теснота, что и не пошевелинуться: открыли мы дверь в коридор да там и стояли. Один мальчик, Сережа, такой шустрый, забавный оказался, – все ему скажи, все объясни, все надо знать. Кто покупал елку? Да как ее принесли? Что внутри конфеток? Как кого зовут?

– Это твоя бабушка? – спрашивает он Любовь Ивановну

и на меня показывает.

– Нет, Сережа, это моя хозяйюшка...

– А что ж ты у нее работаешь?

– Ничего не работаю, просто живу...

– Она злая, – сказал мальчуган и брови насупил.

– Нет, Сережа, она добрая... Видишь, пустила нас и кофту тебе дала.

Мы все засмеялись. Верно, вспомнил мальчишка, как я их не пускала, как сердилась в прихожей.

– Тетенька, а ты нам дашь конфеток? – опять спросил наш чужак.

– А как ты думаешь?

– Не знаю... – говорит, а сам глаз с гостинцев не спускает и слюнки глотает.

Конечно, всего им дали. В кухне им чай приготовили, напоили, накормили досыта, да еще и с собой булок дали.

Такое у нас в тот вечер веселье было, что, кажется, моя квартира никогда и не видывала. Николай Николаевич на балалайке стал играть, другой жилец – на дуде, Любовь Ивановна с ребятами в пляс пустилась; что хохоту, что шуток было – дело молодое. На что я, старый человек, – и то радовалась, глядя на них, и посейчас, как вспомню, весело станет.

Когда елка догорела, сняли гостинцы и все между ребятами поделили. Обрадовались они – так и ухватили и к себе прижали. Небось, никогда такой радости и не видывали.

Пришло время их и по домам снаряжать. Поздно уже бы-

ло. Опять стали собирать с миру по нитке, чтобы их укутать потеплее. Тут и полковничьи сапоги службу сослужили. Отдала я еще Сереже свои старые шерстяные чулки, обули его тепло и других ребят тоже.

Только вижу я – моя Любовь Ивановна ребят одевает, а у самой слезы из глаз так и капают.

– Вот тебе и раз! Чего ж вы плачете? Так было весело, хорошо... Чего вы, милушка? – спрашиваю я.

– Жаль ребяток... Опять из тепла, от света, от ласки пойдут в холод, в темные подвалы, увидят и побои и горе... Если бы вы видели, как там у них ужасно...

– Эх, Любовь Ивановна, молоды вы, моя голубка... Бели о всяком чужом горе плакать, то и слез не хватит... Что делать! Таких ребят тьма... Всякому своя доля... – утешаю я ее.

А она, моя милушка, прижала к себе этих четырех оборванцев и слова ответить не могла, только посмотрела на меня так горестно. Даже у меня в сердце защемила.

А Сережа, – такой умный, хитрый мальчик, – прижался к ней, обнял рукой за шею и шепчет:

– Тетенька, я не хочу домой... Там отец пьяный, больно дерется... Я хочу у тебя жить.

– Нельзя, Сереженька, милый, видишь, как у меня тесно... Я приду тебя навестить, – говорит моя барыня, а сама плачет... И мальчишка-то разревелся, упирается, домой не идет...

Отправились они вчетвером, и барышни-жилички увяза-

лись с ними и повели ребят по домам, откуда их взяли.

Кажется, и после навещали они этих ребяташек и чем-то помогали.

Вот какой праздник выдался у меня в прошлом году.